

УДК 93

КУРОРТЫ КАК СРЕДСТВО ИСЦЕЛЕНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЮГА РОССИИ В 1930-х гг.

Татьяна Александровна Самсоненко,
кандидат исторических наук, доцент
Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а

В статье на основе обширного архивного и историографического материала рассматриваются курорты через призму лечения колхозного крестьянства на территории Юга России в 1930-е гг.

Ключевые слова: курорты, крестьянство, СССР, 1930-е гг.

Санаторно-курортное лечение представляло собой немаловажный компонент в общем комплексе мероприятий по оздоровлению городского и сельского населения Юга России (как и, в целом, Советского Союза). Целебный горный воздух, минеральные источники, укрепляющие ванны, море, солнце – все это, помноженное на опыт, знания и заботу специалистов-медиков, превращало курорты и санатории в мощное средство оздоровления граждан Советского Союза, которые имели возможность этим средством воспользоваться.

При этом, в советском обществе курорты и санатории обладали не только узко-медицинским значением, но были также важны с социальной точки зрения. В данном случае мы имеем в виду не столько очевидный (и немалый) вклад отмеченных культурно-медицинских учреждений в дело укрепления здоровья общества как единого организма, сколько их место в картине мира советского человека, в иерархии социальных ролей. Будучи в дореволюционной России доступны лишь представителям господствующих сословий (и, таким образом, являясь одним из знаков высокого социального статуса), в советскую эпоху курорты и санатории формально превратились в общенародное достояние, но сохранили свое значение как одного из социальных идентификаторов. Связано это было, в первую очередь, с тем, что в 1920–1930-х гг., да и позже, санатории и курорты лишь формально (повторимся) принадлежали народу, а круг их клиентов был по-прежнему ограничен, хотя и не столь существенно, как до 1917 г.

На протяжении первого десятилетия существования Советского государства, вопреки официальным декларациям, воспользоваться санаторно-курортным лечением могли отнюдь не все граждане страны, а, как правило, лишь принадлежащие к титульным социальным слоям и группам. В первую очередь, это были представители партийно-

советской бюрократии, властные полномочия которых и приближенность к госаппарату позволяли воспользоваться различными благами, в том числе полноценным отдыхом в курортных местностях. Затем шли рабочие, в которых большевики видели опору собственного режима и старались укрепить их верность не только социальной демагогией, но и повышением жизненного уровня (насколько это было возможно в условиях всеобщего обнищания эпохи «строительства социализма»). Что касается крестьян, составлявших в 1920-х гг. подавляющее большинство населения Советской России и всего СССР, то их возможности попасть на курорт или в санаторий были сильно ограничены.

Разумеется, в 1920-х гг. не обходилось без исключений, от которых, как известно, не свободны самые разные правила. Поскольку в эпоху НЭПа деньги с успехом компенсировали недостатки принадлежности к неполноценным с точки зрения большевистских идеологов (и постоянно критикуемым и порицаемым ими) социально-профессиональным группам, – досоветскому чиновничеству, офицерству, дворянству, священнослужителям и т. п., – на курортах можно было увидеть немало успешных предпринимателей (нэпманов). Однако, исключения эти не распространялись на крестьянство.

Не следует представлять дело так, что крестьянам попросту запрещалось ехать на курорты. Однако, во-первых, в 1920-х гг., после разрушительной Гражданской войны, емкость курортов и санаториев была весьма ограничена. Во-вторых, заполнение наличных койкомест клиентами проходило под контролем партийно-советских органов, заинтересованных в том, чтобы предоставить преимущественное право на отдых выходцам из титульных социальных групп, в первую очередь рабочим (не забывая, конечно, и самих себя).

В-третьих, стоимость санаторно-курортного лечения была не по карману простому советскому человеку. Например, в 1928 г. восьмимесячный курс лечения в бальнеологическом санатории Сочи – Мацеста стоил от 132 руб. до 300 руб., амбулаторно-курсовое лечение такой же длительности и в расположенном там же пансионате – 162 руб., полугодовое пребывание в курортном пансионате – 120 руб., и т. д. [1] И это без учета стоимости билетов туда и обратно, а также различных мелких расходов. Между тем, средняя заработная плата рабочего на государственных предприятиях Кубани равнялась в 1925–1926 гг. всего лишь 60,8 руб., в кооперативном предприятии – 69,3 руб., в частном предприятии – 70,7 руб. Служащие же, занятые в госучреждениях, получали в то время 100,5 руб., в кооперации – 100,6 руб., в частном секторе – только 77,5 руб. [2] Сопоставляя цены на курортах и среднюю зарплату, нетрудно сделать вывод о том, что рядовой советский рабочий или служащий не располагал свободными

средствами для санаторно-курортного лечения и отдыха. То же самое можно сказать и о крестьянине среднего достатка, который не располагал не только свободными средствами для отдыха, но еще и досугом: ведь, даже отсутствие его в своем доме хотя бы на два – три месяца вполне способно было поставить лишившуюся кормильца семью на грань выживания.

Добавим, что для рабочих и служащих при оплате санаторно-курортного лечения предусматривался ряд льгот и, кроме того, для этого применялись средства профсоюзов. В 1920-х гг. стоимость курортных мест зависела от категории клиента. Насчитывалось три таких категории. К первой категории относились, во-первых, граждане, работавшие в учреждениях и организациях, которые на договорной основе арендовали не менее 20 «койко-месяцев» при условии аренды этих коек на весь сезон равными частями по месяцам (разумеется, арендовали эти «койко-месяцы» не отдельные работники, а целые группы таковых или же их работодатели); во-вторых, к первой категории также относились рабочие от станка, крестьяне от сохи, военно-служащие, инвалиды, состоящие на соцобеспечении, члены союза Медсантруда, члены ВКП(б), и еще одиночки, не получающие партмаксимум, едущие за свой счет. Ко второй категории относились члены профсоюза и лица, приравненные к ним, а также члены семей, находившиеся на иждивении. Все остальные советские граждане, не включенные в указанный перечень, относились к третьей категории клиентов санаториев и курортов [3].

Таблица 1.

Стоимость путевок в санатории Сочи-Мацесты в 1928 г. [4]

Виды учреждений и длительность лечения в них	Цена (в рублях в зависимости от категории)		
	1	2	3
Туберкулезный санаторий (с 1.04 по 31.12)	132	150	240
Бальнеологический санаторий (с 16.04 по 15.11)	132 / 162	150 / 162	240 / 300
Пансионаты с амбулаторно-курсовым лечением с 16.04 по 30.11	162	162	-

Курортный пансионат (с 16.06 по 30.11)	120	120	-
Санаторий в Мацесте (с 1.05 по 31.10)	150	162	-

Как свидетельствуют помещенные в таблице 1 данные, относящиеся к функционированию одного из ведущих советских курортов, – Сочи – Мацесты, – представители первой и, в меньшей мере, второй из перечисленных категорий клиентуры санаториев и курортов платили за путевки существенно меньше, чем отдыхающие, относящиеся к третьей категории. Это легко объяснить, принимая во внимание социальную принадлежность представителей всех этих трех категорий. В первую категорию были включены рабочие, служащие, крестьяне, то есть, в целом, «трудовой элемент», пользовавшийся льготами со стороны советского государства. Представители второй категории были близки к первой и тоже пользовались льготами, которые, однако, не распространялись на членов их семей, что вело к повышению оплаты путевки. Наконец, в границах третьей категории объединялись, в большинстве своем, выходцы из вышеперечисленных «нетитульных» социальных слоев и групп, подвергавшихся в Советском Союзе явной и узаконенной дискриминации, которые должны были платить за курортный отдых и лечение по максимуму.

Хотя крестьяне, как было указано, относились к первой категории клиентуры санаториев и курортов, попадали туда они в несоизмеримо меньших количествах, чем рабочие. Здесь действовали уже изложенные нами выше причины, которые не позволяли сельским жителям воспользоваться теоретическим правом льготной оплаты путевки. Да и, в конце концов, места отдыха предназначались, в основном, пролетариям и партийно-советским чиновникам, а отнюдь не презираемой и ненавидимой большевиками «мелкой буржуазии» в лице российских земледельцев. Неудивительно, поэтому, что в 1924 г. в общей массе отдыхающих и больных на курортах Сочи – Мацесты «работники физического труда» (под которыми подразумевались, в первую очередь, представители класса-гегемона) составляли 43,2 %. Служащие составляли здесь не менее 36,1 %, партийные функционеры – 4,7 %. А вот крестьяне, численность которых по СССР была намного выше, чем совокупная численность всех членов компартии, на курорте были представлены в существенно меньших пропорциях, чем работники партаппарата. Удельный вес крестьян среди отдыхающих Сочи – Мацесты составлял всего лишь 1,7 % [5].

Подобная ситуация вызывала резонное недовольство крестьян. Конечно, в данном случае возмущение хлеборобов не было настолько

массовым и острым, как, например, в случае с ценовой или налогово-заготовительной политикой большевиков, сильно ударявшей по благосостоянию сельских жителей. Если по поводу налогообложения или «ножниц цен» крестьяне в ярости восклицали, что большевики тянут с них «последние жилы» [6], то социальные перекосы в формировании клиентуры санаториев и курортов, как правило, не вызывали у селян столь же резких заявлений. Ведь, для земледельцев курортный отдых и лечение являлись, все же, не настолько важными, как цены на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары.

Тем не менее, крестьянское недовольство было достаточно громким, чтобы его услышали в ЦК РКП(б). Отнюдь не случайным является тот факт, что на апрельском (1925 г.) пленуме Центрального комитета компартии, который стал вершиной политики «лицом к деревне», высшие партийные функционеры заговорили о необходимости увеличить крестьянское представительство на курортах и в санаториях. Л.Б. Каменев, председательствующий на пленуме, поведал присутствующим, что на рассмотрение вынесен доклад Наркомата здравоохранения СССР, а далее заявил: «мы думаем по этому докладу принять постановление об ассигновании миллиона или пары миллионов (это будет зависеть от съезда) на крестьянские курорты», чтобы исключить в дальнейшем неудобную для властей ситуацию, когда «крестьяне будут указывать пальцем, что рабочие ездят лечиться на курорты, а крестьяне не ездят. Тут вопрос политический, и необходимо пойти навстречу крестьянам» [7].

Впрочем, такого рода заявления разделили судьбу политики «лицом к деревне». Если политика эта была свернута, как только большевики увидели стимулированную ею общественную активность сельского населения (которая была расценена партийно-советским чиновничеством как весьма опасная для правящего режима), то заявления о намерениях облагодетельствовать земледельцев дополнительными ассигнованиями «на крестьянские курорты» не имели серьезных последствий. Существенного увеличения доли крестьян в общей массе клиентов советских курортов и санаториев во второй половине 1920-х гг. не произошло. Будь иначе, представители партийного руководства Терского округа Северо-Кавказского края не печалились бы в конце 1920-х гг., что «в санаториях лечится чуждый элемент, а крестьян [там] нет» [8].

В эпоху нэпа, как видим, российское крестьянство не формировало сколь-нибудь значительные по численности группы клиентов санаториев и курортов. Отчасти малочисленность крестьян в пансионатах и санаториях была обусловлена особенностями социальной политики большевиков, отчасти – дороговизной путевок и скудостью бюджетов земледельцев, а также ограниченностью их досуга (сказы-

валось, естественно, отсутствие в среде земледельцев традиции курортно-санаторного отдыха и лечения). Определенные изменения в интересующей нас сфере медицинского обслуживания селян произошли только в 1930-х гг. и, в значительной мере, были обусловлены коллективизацией.

Итоги «колхозного строительства» оказали существенное влияние на степень представленности советского (в нашем случае – южно-российского) крестьянства на курортах и в санаториях.

По итогам коллективизации, российское крестьянство, с точки зрения большевистских идеологов, перестало быть «мелкобуржуазным» и превратилось в один из двух (наряду с рабочими) классов советского, «социалистического» общества («прослойкой», между которыми выступала, как известно, интеллигенция). Тем самым, колхозники в большей мере, чем крестьяне доколхозной деревни, были достойны различных социальных благ, заметные позиции среди которых занимало санаторно-курортное лечение. Кроме того, в коллективизированной деревне, по сравнению с периодом НЭПа, несколько уменьшилась острота проблемы финансирования лечения и отдыха крестьян на морях и водах. Дело в том, что, в определенной степени, оплату путевок брали на себя колхозы и, чаще, учреждения социальной взаимопомощи колхозного крестьянства.

Стоимость курортно-санаторных путевок в эпоху «великого перелома» ничуть не уменьшилась по сравнению с периодом нэпа; более того, она еще и возросла в условиях наблюдавшейся с конца 1920-х гг. инфляции (пусть и незначительной, по меркам нашего времени). В частности, по ценам 1940 г. одна путевка в санаторий стоила примерно 1 тыс. руб., в дом отдыха – 250 руб. [9]. К указанной сумме следует прибавить еще, как минимум, стоимость проезда. Кроме того, в 1930-х гг. появился новый вид платежей, сопровождающих курортное лечение. Мы имеем в виду госпошину за временную регистрацию паспортов курортников в месте пребывания (сами же паспорта, как известно, были введены в Советском Союзе с конца 1932 г.).

Здесь уместно указать размеры доходов южно-российских колхозников в конце 1930-х – начале 1940-х гг., дабы сопоставить их с ценами на путевки. Последняя треть 1930-х гг. стала для южно-российской деревни периодом относительного благополучия; доходы колхозников в это время возросли, что было особенно заметно по сравнению с тяжелейшей первой половиной указанного десятилетия. После обильного урожая 1937 г. колхозники получали на выработанные трудодни более-менее значительное количество зерна. Так, средние выдачи зерна на один трудодень составляли в колхозах Ростовской области в 1937 г. – 5,31 кг, в 1938 г. – 3,19 кг, в 1939 г. – 3,3 кг [10].

Однако плата за путевки в санаторий и на курорт взималась, естественно, не зерном, а деньгами. А вот размеры денежных выдач на выработанные южно-российскими колхозниками трудодней не претерпели радикальных изменений на всем протяжении третьего десятилетия XX века. Если в 1931 г. донские колхозники получали на каждый выработанный ими трудодень в среднем 0,22 руб., то в 1937 г. – 0,84 руб., в 1938 г. – 1,10 руб., в 1939 г. – 1,31 руб. [11]. Сходная ситуация складывалась в сельскохозяйственных артелях и коммунах Кубани и Ставрополья.

Чтобы представить себе общую сумму, причитающуюся членам коллективных хозяйств Юга России по итогам года, следует учесть, что средняя выработка составляла 200–300 трудодней за год. Были, конечно, ударники производства и стахановцы, вырабатывавшие до 500 и более трудодней, однако, они не составляли заметной величины в массе колхозников. Легко подсчитать, что колхозник, выработавший за год 300 трудодней, мог по итогам удачного года получить на руки до 400 руб. Очевидно, что этой суммы (на которую еще как-то надо было прожить) ему никоим образом не могло хватить для приобретения путевки в санаторий.

В этой ситуации за дело брались кассы общественной взаимопомощи колхозников, в обязанности которых, помимо прочего, входила еще и оплата санаторно-курортного лечения остро нуждавшихся в нем членов коллективных хозяйств. Из собственных средств КОВК могли заплатить за путевку и даже за проезд колхозника на курорт и обратно. В постановлении Народного комиссариата соцобеспечения РСФСР от 14 октября 1935 г. указывалось, что на подобные цели КОВК могут тратить, в среднем, до 10 % своих активов: «эти средства использовать для приобретения путевок и на отправку лучших колхозников-ударников и ударниц в санатории и дома отдыха» [12].

Процедура направления колхозников на курорты и в санатории в 1930-х гг. выглядела следующим образом. Как пояснялось в специальной литературе, «колхозник, нуждающийся в курортно-санаторном лечении, должен обратиться в ближайшую больницу, которая даст заключение, на какой курорт и в какое время года он может и должен ехать. Эту справку следует заблаговременно, примерно, за месяц, послать в курортную контору, находящуюся в областном или республиканском центре. Адрес курортной конторы можно узнать на почте или в райздравотделе. Курортная контора, получив справку, сейчас же сообщает стоимость путевки и указывает, куда перевести деньги. После получения денег курортная контора должна немедленно выслать путевку и вернуть справку больницы» [13].

Как видим, КОВК были обязаны оказывать материальную поддержку тем из своих членов, которые остро нуждались в санаторно-

курортном лечении, а органы Наркомздрава и Наркомсобеса разработали порядок заказа и оплаты путевок. Можно говорить о том, что все это потенциально способствовало увеличению, по сравнению с эпохой нэпа, посещаемости баз отдыха крестьянами. Однако, нет оснований утверждать, что, тем самым, были сняты все ограничения на поездку рядовых жителей коллективизированной деревни на курорт или в санаторий.

Во-первых, представители власти постоянно требовали от колхозной администрации и работников КОВК весьма придирчиво подходить к отбору кандидатов на курортно-санаторное лечение, проявляя при этом избирательность и политическую бдительность. Колхозники, пассивно относившиеся к участию в общественном производстве, не могли претендовать ни на санаторно-курортное лечение, ни, тем более, на оплату его за счет КОВК. За счет общественных средств на курорты мог ехать не всякий колхозник, а только демонстрировавший трудовую активность (еще лучше – трудовой героизм) и, как минимум, лояльность советской власти. Во-вторых, в 1930-х гг. сохранялась установленная в предшествующем десятилетии практика избирательного заполнения мест на курортах представителями различных социальных страт советского общества. Как и прежде, преимущественное право на отдых предоставлялось партийно-советским чиновникам, рабочим и служащим, а колхозники оставались на последнем месте. Кассы общественной взаимопомощи колхозников могли приобрести не столько путевок, сколько им захотелось бы, а строго по лимиту. В этой связи работникам КОВК напоминалось, что «во всех курортных конторах имеется специальный фонд курортных путевок для колхозников» [14]. Излишне было бы дополнять, что покупка путевок сверх этого фонда не приветствовалась.

В-третьих, и это самое главное, у КОВК никогда не имелось столько свободных средств, чтобы отправить на отдых более или менее значительное количество своих членов.

Тем не менее, в связи с произошедшим во второй половине 1930-х гг. организационно-хозяйственным укреплением колхозной системы кассы взаимопомощи смогли несколько увеличить финансирование санаторно-курортного лечения колхозников, что соответствующим образом сказалось на численности, отправившихся на курорты, аграриев. Так, в 1936 г. КОВК Северо-Кавказского края (который, как мы знаем, с 1934 г. сильно уменьшился в размерах) приобрели свыше тысячи путевок в санатории и дома отдыха, «большая часть которых [была] дана орденосцам, стахановцам и ударникам колхозов» [15]. В частности, в 1936 – первой половине 1937 гг. касса взаимопомощи колхоза «Парижская коммуна» Буденовского района

Орджоникидзевского края выделила 5780 руб. для направления в дома отдыха и санатории 11 человек [16].

Дальнейшее укрепление экономики колхозов и проявившееся в последней трети 1930-х гг. относительное улучшение материального благосостояния колхозников позволили КОВК несколько увеличить финансирование санаторно-курортного лечения отдельных своих членов.

Повторяясь, отметим, что нет оснований переоценивать позитивные сдвиги в области санаторно-курортного лечения колхозников, произошедшие на Юге России по итогам «колхозного строительства». Вышеприведенные данные со всей возможной убедительностью свидетельствуют о том, что даже в относительно благополучной второй половине 1930-х гг. правом на курортный отдых могла воспользоваться весьма небольшая часть населения коллективизированных сел и станций Дона, Кубани, Ставрополья.

Мало того, что жители коллективизированной деревни могли рассчитывать лишь на ограниченный доступ к санаторно-курортному лечению; нередко злоупотребления чиновников разных рангов лишали крестьян и без того урезанной возможности отдохнуть или пройти оздоровительный курс. Качество обслуживания в санаториях и на курортах нередко хромало.

Впрочем, колхозников, и южно-российских в том числе, никак нельзя было назвать избалованными. Вынужденные жить и трудиться в спартанских, а подчас, откровенно тяжелых условиях коллективизированной деревни, тем более, в такой сложнейший период отечественной истории, как сталинский «большой скачок», российские хлеборобы приезжали на курорт в восторженном настроении, радуясь уже самому факту получения и реализации путевки. Курорт представлялся им неким волшебным местом, исцеляющим от всех болезней.

Жители советской колхозной деревни 1930-х гг., аскеты по необходимости, часто попросту не замечали недостатки обслуживания в санаториях и пансионатах, а если и замечали, то принимали как должное. Возвращались аграрии после отдыха и лечения в таком же восторженном настроении, как и ехали туда, гордые от осознания того, что вкусили сладость плода, недоступного для большинства их односельчан.

Большевистская пропаганда усиленно эксплуатировала тему санаторно-курортного лечения в целях усиления просоветских настроений среди сельских жителей. Особенно стараться, впрочем, в данном случае было не надо, поскольку побывавшие на курортах колхозники и без того проникались добрыми чувствами по отношению к советской власти и лично великому «вождю». Показательно одно из замечаний в прессе о том, что в 1939 г. КОВК Усть-Лабинского района

Краснодарского края послали на курорты 46 стахановцев, причем, возвратившиеся «с курорта колхозники становились лучшими активистами масс» [17]. Тем самым, курортно-санаторное лечение выполняло в колхозной деревне еще и социально-политическую функцию, содействуя расширению и укреплению рядов сторонников советской власти.

Итак, в процессе «колхозного строительства» в советской (в том числе, южно-российской) деревне была создана система учреждений, способных финансировать санаторно-курортное лечение колхозников и, кроме того, организовывать местные (областные, межрайонные, районные или колхозные) дома отдыха для аграриев. Основными компонентами данной системы являлись сами коллективные хозяйства и КОВК. Несмотря на все позитивные сдвиги 1930-х гг., разительных отличий между численностью крестьян, попадавших на курорты в 1920-х гг. и в 1930-х гг., не наблюдалось: и в том, и в другом десятилетии хлеборобов в местах отдыха было немного. Вместе с тем, в 1930-х гг. были созданы возможности для стабильного посещения крестьянами (пусть и немногочисленными) курортов и санаториев, чего практически не наблюдалось ранее.

Примечания:

1. Кагэ Н. Сочи – Мацеста. Приморско-климатическая станция и бальнеологический курорт. Очерк. Ростов н/Д., 1928. С. 63.
2. Население и хозяйство Кубанского округа. Статистический сборник за 1924–1926 гг. – Краснодар, 1927. С. 26.
3. Кагэ Н. Сочи – Мацеста... С. 63.
4. Там же. С. 63.
5. Рассчитано по: АОАГС. Ф. 24. Оп.1. Д. 2. Л. 15–16.
6. См. в этой связи: «Тянут с мужика последние жилы...». Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.). Сборник документов и материалов/ Отв. ред. Н.А. Ивницкий. М., 2007.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 5–6.
8. ГАНИ СК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 31. Л. 106.
9. Николаев П. Приходно-расходная смета колхозной кассы взаимопомощи // Социальное обеспечение. 1941. № 1. С. 8.
10. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация... С. 276.
11. Там же. С. 276.
12. Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 6. С. 170.
13. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. 1941. № 2. С. 11.
14. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. 1941. № 2. С. 11.

15. Демьяненко. Крепко держат красное знамя // Социальное обеспечение. 1937. № 10. С. 59.

16. Киселев В. Работу касс взаимопомощи – на высшую ступень // Социальное обеспечение. 1937. № 8. С. 35.

17. Зильберг Б. Как надо работать // Социальное обеспечение. 1940. № 1. С. 44.

UDC 93

RESORTS AS A MEANS FOR KOLKHOZ PEASANTRY TREATMENT
IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1930s

Tatiana A. Samsonenko

PhD (History)

Assistant Professor

Sochi State University for Tourism and Recreation

26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

The article, basing on extensive archival and historiographic materials, studies resorts through the perspective of kolkhoz peasantry treatment within the south of Russia in 1930s.

Keywords: resorts, peasantry, USSR, 1930s.